

Сарутоби Хирузен сидел за своим столом, попыхивая трубкой. Он был огорчен полученной информацией; и Джирайя, и Орочимару наконец-то рассказали ему все, что знали об Акацуки, и вся полученная информация приводила к одному выводу. Это был не тот вывод, которого он хотел. Все должно было быть по-другому. Разве он не сделал этого достаточно? Достаточно отдал? Потерял достаточно? Неужели он должен был еще раз так напрячься? Было ли это божественным наказанием за то, что он не соответствовал своим идеалам? За его прошлые проступки? Он должен был дать новому поколению что-то лучшее? Может быть, он еще мог?

Он пытался выпутаться из этой ситуации, пытался придумать альтернативу, но остановился. Именно это и привело его в эту передрыгю: он всегда искал мягкий вариант, когда иногда проблемы требовали большего. Но нужно было многое сделать, и ему пришлось бы рисковать гневом Даймё, но это было необходимо. Два письма были отправлены, одно Даймё, оправдывающее его необходимость остаться в кресле еще немного. Другое - Расе. Поддержка Сунны была бы очень кстати, но если он откажется, Хирузену придется довольствоваться тем, что есть. Курс был задан, и позволять Акацуки свободно делать все, что им заблагорассудится, было бы глупо, тем более что он нес определенную ответственность за их появление. Орочимару смаковала каждое ядовитое слово, когда она рассказывала, как его отказ нейтрализовать Данзо привел к появлению еще одного врага, затаившего злобу на Коноху. Но сейчас было не время для чувства вины. Он дал себе и своим войскам шесть месяцев на то, чтобы добраться туда, куда нужно. После этого им предстояла война с Акацуки и Аме.

Даже произносить это слово - война - было тяжело. Это было признание того, что ты отправишь часть своих сил на смерть, ты сделал это еще до того, как был отдан первый приказ. Но эта организация с ее неизвестными планами, помимо сбора Биджуу, была слишком опасна, чтобы позволить ей двигаться в тени. Он должен был заставить Цунаде обучить больше медицинских ниндзя, он не станет игнорировать этот совет снова. Джирайя должен был наладить шпионскую сеть, особенно теперь, когда ему не нужно было делить внимание между Ото и Акацуки. Хирузену нужна была каждая крупица информации, которую они могли получить. Так много планов, так много подготовки. Его деревня стала мягкой, слишком комфортной в том мире, которым они наслаждались. Во многом деревня отражала его собственный упадок. Упадок, который стал еще более рельефным, когда он вспомнил об Орочимару. Она побеждала его на каждом шагу. Его переигрывали так тщательно, что он не успевал понять, что идет игра. Но этот последний приказ - вот чего она действительно хотела. Она загнала его в угол, и у него был только один выход. Джирайя мог бы обучить его, но она была права, их навыки не дополняли друг друга, кроме общего интереса к фуиндзюцу. Он надеялся, что не проклинает мальчика, которого считал своим внуком, и который раньше считал его суррогатным дедушкой. Он надеялся, что даже пятна Орочимару не хватит, чтобы омрачить его душу, но это было необходимо, и шиноби терпели, так что Наруто придется вытерпеть и это.

Просьба Орочимару об ученичестве у саннина; имя ученика Наруто Узумаки одобрено Сарутоби Хирузеном, Сандайме Хокаге.

Он не испытывал сильной боли. Некоторый дискомфорт, но с этим он мог справиться. Часть его ненавидела, что он снова оказался здесь, в очередной раз сбитый с ног двумя ударами значительно превосходящего его противника, но он был жив, не был проткнут или обрит. У него даже есть еще один легендарный меч! В общем, знаменательный день для Наруто Узумаки. Он выполнил работу шиноби и заслужил отдых шиноби. Непрошенный, незванный и бесцеремонный угадчик в его комнате не разделяет этого мнения, он вообще его не разделяет.

- Как ты это сделал? Я должен знать.

- Я услышал тебя с первого раза, Учиха-сан. Прости, что мое выздоровление задержало время ответа на твои вопросы. Как я это сделал, очень просто: ни он, ни его партнер не восприняли меня всерьез, и я смог задержать их достаточно долго, чтобы прибыл Саннин. Так что, думаю, настоящий ответ - тот же самый, который ты получил с самого начала.

- С чего бы ему беспокоиться о тебе? Что в тебе такого особенного?

- Я уверен, что часть "не обижайся" подразумевается. И в ответ: это не имеет значения. Мне больше нечего сказать по этому поводу, так что если ты, пожалуйста, покинешь мою комнату, я буду тебе благодарен.

Саске понял, что ведет себя как вредитель, блондин был в больнице не для развлечения. Он мог бы вернуться в другой раз или пойти к кому-нибудь другому, но жажда мести подпитывала ту небольшую ревность, которую он испытывал к Узумаки. Итачи говорил ему, что он не стоит того, чтобы его убивать, но этот ребенок, одного с ним возраста? Почему, что сделало его достойным? В порыве гнева и ребячества Саске сделал то, что было ниже его достоинства, и даже он сам признал бы, что это глупость. Он схватил Наруто за воротник рубашки, так как тот все еще был в маске, и потребовал, чтобы Наруто ответил на его незадаанные вопросы.

Жители деревни никогда не били Наруто. Никогда не преследовали, не было толп, от которых можно было бы увернуться в день его рождения. Поэтому у него сложилось мнение, что даже они считали физическое насилие слишком серьезной мерой. Это было не так, просто попытки физического насилия приводили к немедленной казни, и это была одна из немногих вещей, в которых Хирузен был непримирим. Из-за этого Наруто выработал правило, скорее подсознательное, чем какое-либо другое. Если они никогда не трогали его, не совершали актов вандализма, он просто игнорировал их. Они могут ему не нравиться, но он будет их игнорировать. Но никто не тронет его без ответа. Он встречает насилие насилием и не извиняется за это. Он даже не стал заставлять Саске снять рубашку, это было бы неважно, и три знака рукой, сделанные быстрее, чем моргнуть глазом, показали, почему: его некогда спокойные волосы теперь были багровыми шипами, достаточно длинными, чтобы пронзить стену, примыкающую к его кровати. Однако никакого Учихи на стене не было.

- Ма, ма, Наруто-кун, это было слишком сильно, не так ли? - сказал Какаши, держа на руках своего широко раскрывшего глаза ученика, быстро приходя в себя от осознания того, как близок он был к смерти. Он хотел наброситься на него, но взгляд Узумаки не позволил ему этого сделать.

- Он не должен был поднимать на меня руку, - сказал Наруто, завершая дзюцу, и его волосы вернулись к своему естественному состоянию.

- Хай, он не должен был, но, конечно, наказание за такое преступление - не смерть? В следующий раз просто сломай ногу. - Какаши ответил с улыбкой, и Наруто кивнул. Саске забеспокоился, так как не был уверен, шутит ли кто-то из них или нет.

- ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЗДЕСЬ ПРОИЗОШЛО!

- Оу, пожалуйста, не кричи, Цунаде-обачан.

- Тогда скажи мне, почему в стене две дыры, которых не было, когда я уходила?

- Саске и Наруто немного не поняли друг друга, Цунаде-сама. Я беру на себя всю ответственность и буду наказывать своего ученика за его вспышки агрессии, - сказал Какаши, оттаскивая Саске. Он не хотел находиться рядом с разгневанной Цунаде. Когда члены Команды 7 ушли, Цунаде провела быструю диагностику Наруто и осталась довольна его выздоровлением, но не позволила ему уйти. Она была поражена, когда он не стал жаловаться, а просто спросил, есть ли мягкий свет, чтобы он мог читать, на что она попросила обслуживающий персонал предоставить ему свет и оставила его наедине с собой.

<http://tl.rulate.ru/book/68651/1907272>